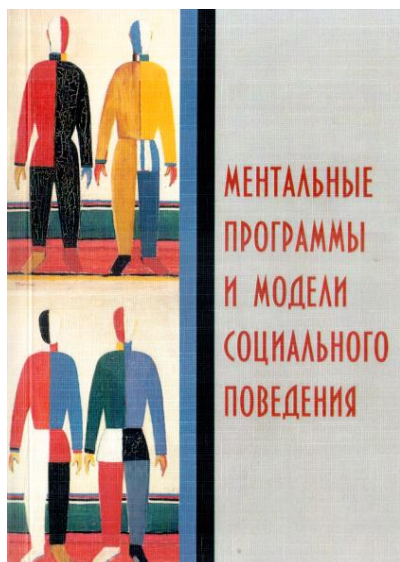

РЕЦЕНЗИИ

Размышление по поводу ментальной программы и ее влияния на поведение (о монографии «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе»)¹

Уважаемый читатель! Характер названия того, что последует в предлагаемом ниже тексте, должен «предупредить» рефлексивную составляющую вашей ментальной программы, что это вовсе не рецензия на коллективную монографию в ее классическом понимании. Дело в том, что предлагаемый авторским коллективом посыл в виде противоречивости сочетания эмоционально-чувственной метафоры-констатации «умом Россию не понять» с глубоко осмысленным стремлением если и не понять, то объяснить «стремление отечественных интеллектуалов все же умом понять Россию» и при этом найти соответствующий «аршин» в качестве культурной мерки, характеризует всю логику этой удивительной творческой работы и вызывает к жизни иную форму отклика, в данном случае в виде сильного соучастия в процессе понимания.

Есть по крайней мере два обстоятельства, обеспечивающие комфортное состояние соучастника творческого процесса, очевидно приглашающие к совместному познавательному движению, с одной стороны, уже проделанному коллективом монографического исследования как сплоченной командой единомышленников, с другой – вдумчивого читателя в его попытках воспроизвести в собственном опыте исследовательский характер этого движения.

Во-первых, это введение, которое в данном случае выступает в качестве смыслового ключа, помогающего занять познавательную позицию и понять замысел исследователей. С этой точки зрения привлекает отправной момент, четко объясняющий истоки постановки проблемы посредством сравнения современной России с ментально впитанным национальным самосознанием образом «витязя на распутье». Правда, следует отметить, что прорисованная картина цивилизационных путей распутья, выбор которых представлен ценностным расколом, обеспечивающим «модернизационные шараханья», от усилий реформаторов, направленных на трансформацию

Во-вторых, это введение, которое в данном случае выступает в качестве смыслового ключа, помогающего занять познавательную позицию и понять замысел исследователей. С этой точки зрения привлекает отправной момент, четко объясняющий истоки постановки проблемы посредством сравнения современной России с ментально впитанным национальным самосознанием образом «витязя на распутье». Правда, следует отметить, что прорисованная картина цивилизационных путей распутья, выбор которых представлен ценностным расколом, обеспечивающим «модернизационные шараханья», от усилий реформаторов, направленных на трансформацию

¹ См.: Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016.

российского общества в либеральном направлении, через попытки реализации этатистской модели парциальной модернизации и последующий переход на модель линейной модернизации, сдобренной либеральной спецификой, до возврата к государствоцентричной матрице развития российского общества, все-таки больше напоминает образ трех богатырей, каждый из которых несет в себе различный потенциал ментальности, в определенной мере воздействующей на ценностную мотивацию выбора пути.

Нашей интерпретации образа «выбирающего путь» в социокультурной динамике России способствуют и избранная авторами для характеристики исходной точки исследования идея «расколотого общества» (А.С. Ахиезер), и содержательная картина самого выбора в условиях, когда «не удалось побороть ни “русский ген”, ни выйти из “тени Грозного царя”, ни освободиться от пут “раздаточной экономики”, ни выбраться из “российской колеи”». А все-таки выбираться-то надо и по возможности, как у Высоцкого, выбираться надо именно своей колеей.

Вообще, хотелось бы отметить оправданную склонность инициатора и руководителя этой творческой работы профессора А.В. Лубского к смылосодержательной форме метафоры в научном исследовании и согласиться с его обоснованием такого стиля познающей мыследеятельности, поскольку она, по его мнению, позволяет более емко концептуализировать исходное знание эмпирического, теоретического и тем более аксиологического содержания. Остается с удовольствием разделить это мнение, обретающее характер методологически обоснованного приема организации мышления исследователя.

Во-вторых, это прямо вытекающий из обозначенной выше формы выбора языка изложения строго выстроенный смысловой путеводитель по материалу монографии, заданный эпиграфом как концептуально значимым смыслоуказателем содержания каждого из разделов логически разворачиваемой структуры исследования. Ну чего стоит, к примеру, причинно-следственная характеристика *особенности* развития российского общества и формирования ментальных программ социального поведения, данная через не теряющую своей значимости, а значит, независимую от времени мысль одного из самых ярких русских мыслителей-сатириков М.Е. Салтыкова-Щедрина «*Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления*».

Уж чего-чего, а изумления в разной степени его выражения, при всей ментально сформированной у населения ожидаемости непредсказуемости принимаемых властью решений, в России хватало во все времена. Не здесь ли в состоянии «изумления», вызывающего «шок от реальности», зарождается столь чувствительная сторона российской ментальности, как патернализм, склонный к ожиданию уготованного властью чуда решения проблем. Одно очевидно, и здесь можно полностью согласиться с тем, что утверждается в монографии, это то, что выход из состояния «изумления», осуществ-

ляемый разными слоями общества по-своему, и приводит к сегментации общества с разными представлениями о выборе пути!

Уважаемый читатель-исследователь! Проведи простейший эксперимент и сопоставь название каждой из глав, которое, заметим, точно отражает ее содержание, с предшествующим ей эпиграфом – и волей-неволей выстроится концептуальная логика всего исследования. Это лишь подчеркивает то, что перед нами целостное монографическое исследование, в котором творческая индивидуальность каждого соавтора разворачивается в рамках понятого и принятого концепта, выстраиваемого на хорошо осмысленном едином теоретико-методологическом основании.

По всей вероятности, именно этим можно объяснить то, что единственная глава, не имеющая метафорического эпиграфа, а выдержанная в духе четко построенного научного определения, это глава первая, посвященная обоснованию авторского понимания методологического конструкта междисциплинарного научного исследования ментальных программ и моделей социального поведения в российском обществе. Поскольку это ключевой момент исследовательского проекта, позволим привести это определение полностью: «Методологический конструкт научного исследования – это когнитивная модель рационально-проектного содержания, задающая предметное поле научного исследования, его стратегию, способы и методы решения научно-исследовательских задач»¹.

В данном случае обозначение «авторская» в нашей трактовке имеет два смысла. Первый – это определение есть не что иное, как результат теоретических исканий А.В. Лубского, нашедшее обоснование в его работах по методологии научного исследования и широко используемое разными авторами в многочисленных исследовательских проектах в различных сферах научного знания. Практика показала большой эвристический потенциал данного понятия, позволяющего строить различные типы решения научно-исследовательских задач. Второй – это тот самый методологический конструкт, который понят, принят и присвоен в качестве инструментария командой исследователей, составивших творческий коллектив, с результатом работы которого мы и имеем сейчас дело.

Еще раз подчеркнем и то, что именно благодаря такому командному восприятию этого определения, на наш взгляд, и обеспечена монографическая целостность рассматриваемого нами исследовательского проекта, дающего возможность вполне обоснованно говорить о нем как о новом слове в социально-гуманитарном знании.

Обращает на себя внимание и определение самого исследования как исследования междисциплинарного характера. Сразу оговоримся, что это не дань моде, благодаря следованию которой в социально-гуманитарном знании появ-

¹ Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе / отв. ред. д.филос. н., проф. А.В. Лубский. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2016. С. 15.

ляется множество симулякров псевдомеждисциплинарного характера. Это ярко обозначенная потребность перевода понятия ментальности, достаточно полно разрабатываемого в рамках философского, социально-психологического, культурологического и исторического подходов, к специфике понятия «ментальная программа», концепция которой была в свое время предложена голландским ученым Г. Хофстеде как программа, определяемая культурными измерениями и обуславливающая поведение человека¹.

Обращенность к социальному поведению потребовала от авторов монографии найти способ преодоления дисциплинарной односторонности и парадигмальной ограниченности, характерных для современных научно-исследовательских практик, которые не позволяют рассматривать социальное поведение как целостную социальную реальность. Именно поэтому в качестве основной исследовательской стратегии избрана когнитивная стратегия междисциплинарных исследований, в результате чего был предложен многомерный методологический конструкт, позволивший реконструировать институциональную матрицу современного российского общества, специфику ментальных программ социального поведения в нем и выявить особенности его нормативной и модальных моделей. Пожалуй, можно с уверенностью отметить, что такой исследовательский ход и дал возможность говорить о принципиально новом решении в понимании как самих ментальных программ (их социальной наполненности), так и в трактовке моделей социального поведения, образно и точно представленных в авторском варианте в качестве коротких поведенческих сценариев или образцов социальных действий.

Что касается структурирования возможной социальной наполненности ментальных программ как определяющих программы социального поведения, то в данном исследовании они выглядят следующим образом: когнитивные (представления), аксиологические (ценности), конативные (установки). Что это, как не заявленное движение авторского коллектива к поиску того самого «аршина», позволяющего стать научно обоснованным адекватным культурным измерителем возможного поведенческого репертуара.

Здесь следует отметить и еще одно принципиально важное новообразование, положенное в основу типологизации моделей социального поведения на основании выделения нерелексивных и релексивных структур ментальных программ. Дело в том, что мы достаточно часто не можем объяснить истинные причины собственного поведения в отдельных жизненных ситуациях. Вспомните блестяще сыгранный народным артистом Евгением Леоновым образ Короля в фильме «Обыкновенное чудо», который многие свои поступки объяснял как «взыгравшие в нем силы прошлого» в лице давно ушедших в мир иной родственников. Авторы монографии предлага-

¹ При этом позволим себе напомнить, что Г. Хофстеде достаточно своеобразно определял культуру как коллективную ментальную запрограммированность, часть предопределенности нашего восприятия мира, общую с другими представителями нашей нации, региона или группы и отличающую нас от представителей других наций, регионов и групп.

ют свое объяснение природы такого поведения посредством различения нормативной и модальной моделей поведения.

Если нерефлексивные структуры ментальной программы определяют нормативную (неосознанную) модель социального поведения, зависящего от общепринятых культурных ценностей и норм, то рефлексивные структуры, в свою очередь, определяют модальные (осознанные) модели социального поведения. При этом нормативная модель как средоточие неосознанных структур ментальной программы, часть из которых представляют стереотипы и догматы (ментальные матрицы), с трудом поддается трансформации, в то время как модальная модель, представляющая рефлекслируемую составляющую, более восприимчива к внешним и внутренним воздействиям и приобретает диверсификационный характер. Уровень выраженности (актуализации) этих составляющих и определяет конкретные репертуары действий в каждой отдельной ситуации принятия решений. Развивая эти положения, можно прийти к выводу, что изменениями ментальных программ можно управлять, оказывая целенаправленное влияние на модальную составляющую модели поведения. Таким образом, концептуально выстроенная система взаимодействия позволяет сконструировать нормативную и модальную модели поведения как когнитивные аналоги различных репертуаров поведения в обществе в заданных ситуациях.

Добавим к этому еще и то, что совокупность предлагаемых идей сочетания ментальных программ и социального поведения в пространстве российского государственно-организованного общества дает возможность авторскому коллективу монографии, с одной стороны, выделить нормативную и модальные модели социального поведения как когнитивные аналоги социальных практик, представляющих собой ответные реакции людей на социальную ситуацию в виде различных репертуаров социальных действий, обусловленных ментальными программами; с другой – оформить классификацию возможной типологии концептов нормативной личности, таких как «человек политический», «человек авторитарный» и «человек иоанновский», с утонченным описанием каждой из предлагаемых к размышлению матриц.

Если говорить о целостном виде детально выверенного конструкта исследования, предопределяющего успех всего осуществляемого проекта, то можно свидетельствовать, что новое прочтение концепции Г. Хофстеде, выстраиваемое в движении сквозь парадигму интересов и парадигму ценностей, пробираясь в «жужжащей неразберихе» теоретического хаоса вокруг понятий «менталитет», «ментальность» к пониманию сущности ментальных программ, включая эвристический потенциал теории личностных конструктов и теории культурных архетипов, заполняя «существенную лакуну в русском научном языке», авторский коллектив монографии предлагает принципиально новый подход к организации реальной социальной аналитики состояния российского общества посредством определения его поведенческого потенциала.

Уважаемый читатель-исследователь! Дальнейшие свои размышления, с вашего позволения, переведу на телеграфно-констатирующий способ изложения, позволяющий обозначить свое отношение к логике выстроенности материала, поскольку каждый из его сюжетов представляет столь существенное содержательное наполнение концепции и дает приращение нового знания, что обезценивает констатирующий пересказ, требуя собственного прочтения и самостоятельного размышления. С этой точки зрения обратим внимание на то, что, обеспечив соответствующий поставленной в исследовании научной задаче инструментарий, можно выходить в просторы исследовательского поля, что и сделано в монографии через призму прочтения специфики институциональной матрицы российского общества и особенностей социального развития.

Важно отметить и то, что очевидная однотипность структуры глав, посвященных теоретическому анализу экономического, политического и правового поведения, что определяется принятым методологическим конструктом, по языку и стилю изложения носит ярко выраженный индивидуально авторский характер, внося дополнительные краски в общую теоретически безупречную картину новаторского исследования.

Главным же выводом неординарности этого монографического исследования можно считать высокую степень реализации теоретического изыска в богатейших возможностях обеспечения эмпирических результатов социологических исследований, представлений, ценностей и установок россиян в различных сферах их жизнедеятельности, позволяющих выявить особенности ментальных программ и модальных моделей поведения различных социальных групп в современном российском обществе.

Это обстоятельство, как справедливо отмечается во введении к работе, существенно увеличивает возможности «использования результатов исследования в профессиональной деятельности, во-первых, в сфере социального управления при разработке и реализации социальных проектов с помощью гуманитарных технологий; во-вторых, в сфере нормативно-правового регулирования институтов гражданского общества; в-третьих, в сфере менеджмента – в стратегиях развития и повышения трудовой мотивации и корпоративной этики в бизнес-структурах; в-четвертых, в образовательной сфере – в процессе формирования культурно-образовательного».

В заключение позвольте выразить благодарность всему творческому коллективу этой неординарной во всех отношениях монографической работы и отдельно ее руководителю доктору философских наук, профессору А.В. Лубскому (в дни его юбилея) за получаемое удовольствие при погружении в пространство творческих усилий всего авторского коллектива и предоставленную возможность собственного познавательного движения, рождаемого богатством новых теоретических идей и результативностью их воплощения в непростой жизни современной России.

**Г.И. Герасимов,
Южный федеральный университет**